

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ИДЕАЛ-РЕАЛИЗМА

А.В. УСАЧЕВ

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина*

e-mail: a-usachyov@mail.ru

Статья содержит размышления автора об основных категориях, понятиях и методах идеал-реализма, основателем которого считается Н.О. Лосский.

Ключевые слова: идеал-реализм, мышление, знание, интуитивизм, имманентизм, философия сознания

Мы не всегда решаемся вопрошать время. Какой смысл знать суть вещей и обстоятельство, которые окружают нас и составляют в данный момент неизменный обиход, если вопросы всегда оказываются переадресованными чему-то: лицам, фразам, опасности, сошедшему опыту, местам пережитого счастья, – чему угодно, только не времени. Вопросы приносят с собой предчувствие неточного ответа. В аналитике Гегеля¹, время есть действительность пространства и, следовательно, наше вопрошание времени, конечно, естественно. Оно отражает нашу волю организовать пространство по-нашему. «Пространство «есть» время, т.е. время есть истина пространства. Если пространство диалектически *помыслено (здесь и далее курсив автора - А.У.)* в том, *что оно есть*, то это бытие пространства открывается по *Гегелю* как время». ² Нам важно узнать, что есть на самом деле (?), в чем состоит действительность? Дело не в преодолении скепсиса или других следов наших переживаний и сомнений. Время представляет собой не что иное, нежели сущность и исполнение пространства, тех вещей, которые составляют наше присутствие. Все происходит наоборот. Время, как свершённое и действительное пространство, спрашивает у нас смысл тех вещей, которые нас окружают. Оно требовательно ждет от нас объяснения, почему мы вопрошаем именно этого философа и захвачены такой мыслью или идеей, а не другой. Значит наша зависимость от времени велика, а его вопросы всегда носят решающий характер. Не мы спрашиваем у времени, но оно встречает нас своими вопросами, и выдвигает различные формы ответственности за наши решения. Превосходят такое положение дел те, для которых сверх-временность и сверх-пространственность – это онтологически прозрачная структура, не требующая разъяснений, но исходная и во всем видимая особенность личности. В них появляется шанс для координированного отношения времени и вопроса, отношения и ответственности, личности и вещи. Мир оснащается органическим пониманием, где «целое-вечность», превосходит свою «часть-время». Его особым образом выражает идеал-реализм – русская школа философии, формировавшаяся на протяжении почти ста лет.

Отечественная школа интуитивистского познания, снискавшая большое доверие на территории России и не нашедшая большой поддержки в период эмиграции, тем временем обнаруживает сильные линии преемственности, как с русскими опытами мышления, так и с западноевропейской метафизикой. Один из важнейших ее идеологов соединил в себе подлинно философские интуиции и прекрасное знание европейских философских систем, которые позволили Н. Лосскому создать, по мнению, например Н. Бердяева³, оригинальную теорию знания, на которую должна обращать внимание получающая философское образование молодежь. В русском интуитивизме, который стал гносеологическим предисловием онтологии идеал-реализма, действительно немало открытий, которые позволяют говорить о нем как об одном из важнейших направлений философии XX века. В пользу такого вывода говорят явные переклички и диалоговые элементы со школами, которые сегодня входят в состав континентальной и англосаксонской философской образованности.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. II Часть. Философия природы. М. 1975. – С.253-271.

² Хайдеггер М. Бытие и время. ФОЛИО, 2003. – С.82.

³ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: ФОЛИО, 2000. – 375с.

Истоком философии идеал реализма можно признать несколько основополагающих идей Н.О. Лосского. Источники его философии могут пролить свет, или создать методологию объективного поиска сущности идеал-реализма в целом. Происхождение этой русской школы мысли – есть наиболее интересная страница в ее развитии, трансформация идей европейской философии, самое главное – решимость русской мысли на открытую редакцию всевозможных нововведений, чувство того, что бытие открыто мысли в России, его судьба может быть эксплицирована в русском языке, в категориях философии общеевропейского употребления. У Н. Лосского бытие открывается в познании. Было ли бытие до познания – вопрос не столько провокационный или ошибочный, он скорее ненужный, лишний. Ведь вопрос о бытии, т.е. структура понимания возникает как познавательный акт. До или после бытия этот познавательный акт, тоже вопрос риторический, т.к. там, где бытие, там человек открывает для себя такое явление как тождество. Такое положение дел возникает в результате следующих обстоятельств.

В начале XX века имел место случай.⁴ Основатель идеал-реализма и его теории познания – интуитивизма, Н. Лосский, находится в поиске предельных оснований оригинальной умоэзрительной системы, приходит к выводу, положенному в основу дальнейшего развития идей: «все имманентно всему». Он насколько прост по формулировке, настолько сложен для понятийной экспликации. Принцип имманентности сочетаем с развивавшейся в то время школой имманентизма, возглавляемой профессором В. Шуппе. Онтологические основания, на которых формировалось мышление данной школы, состояли в следующем: бытие имманентно мышлению, Бог имманентен миру. Одно из важнейших методологических введений состояло в дифференции мышления и сознания.

Н. Лосский, как и другие теоретики интуитивизма в гносеологии, пришел к идее самостоятельно в результате продолжительных размышлений, и поэтому его путь лежал в несколько другой плоскости, нежели та, которая была естественна для профессора из Грефсвальда⁵. Немецкий мыслитель находился в профессиональной переключке немецких кафедральных «гнезд», и в его задачу не входило обсуждение тех «мелочей» и «очевидностей», которые курсировали в германском философском сообществе, и не требовали к себе дополнительных разъяснений. Н. Лосский не находился в средоточии этого смыслового перекрестия очевидностей. Его диалог строился на конструктивной критике тех мыслителей, которые для того времени были в достаточной мере осмыслены, чтобы идти с четко прорисованным контуром развития философского знания вперед.

В силу данных обстоятельств, а также уроков, полученных в бытность лаборантом у В. Вундта, который кроме несомненного влияния, обладал большой продуктивностью, используя свой метод для изложения сути разных гуманитарных наук, русский философ начал свой путь. Это отчасти была дань структуре диссертации, которую необходимо бу-

⁴ Источниками философии Н. Лосского был ряд концепций, которые охватывают целые эпохи и надо сказать были выразителями идеального воззрения на бытие человека той поры. В докритическом этапе философии мы найдем у самого Н. Лосского ссылку на Лейбница. Это будет, безусловно, справедливо и источники оставили нам два, прямо скажем причудливых случая, которые сплели для него два имени – Лейбница и Козлова. случая – косвенный и прямой, влияния Лейбница на философию русского интуитивиста. Первое, это его знакомство, довольно позднее, с А.А. Козлова. По мнению Лосского, Козлов, вслед за немцем Гейхмюллером, довольно интересно работал с различием мышления и сознания, наметил новую концепцию, но стал ее развивать в том направлении, которое не дало эффекта новизны, хотя и было новаторским. Н. Лосский сокрушался о том, что необходимо было идти в совсем новую область органического мировоззрения, и тогда тень главным образом Канта, не заслонила бы подлинного смысла творческой работы провинциального мудреца. Именно он был в стане неолейбницацев, которые во всем полном значении слова не отрицали, но утверждали реальность идеального бытия и его исключительное значение для понимания бытия и построения онтологии. Второй случай тоже экзистенциального характера, он описан Лосским в разных книгах, но самым полным образом находим ссылку на него в «Обосновании интуитивизма». Речь о заурядной поездке в экипаже по вечернему окутанному туманом Питеру с сыном А. Козлова А. Аскольдовым, и ему мучившемуся интуитивным проникновением в мистическую составную онтологии пришла мысль «все имманентно всему», его озарило и по настоящему подтолкнуло к позднему варианту его мистического эмпиризма, который теперь мы знаем как идеал-реализм. Итак имена Лейбница и Козлова сплетены в экзистенциальную композицию, которая может быть названа поистине камнем судьбы. Однако были менее косвенные влияния, сформировавшие основной слой мировоззрения интуитивизма. Также не обошлось без перста судьбы и простой необходимости иметь небольшой заработок для возможности продолжать учиться, а результатом стал классический перевод «Критики чистого разума».

⁵ В. Шуппе.

дет защищать в свой час, в другом отношении – в истории русской философии остался пример эвристического исследования философского наследия, влившегося в теорию нового образца, имеющую не только родовые черты европейского философствования, но и видовые особенности русской постановки существенных вопросов.

Конгломерат категорий, который позже развернется в систему идеал-реализма, сочетает в себе различие сознания и мышления, мышления и познания, познания и сознания, знания и познания, на которых построены основные переходы, обеспечивающие единство теории познания и теории бытия, то есть то, что позже получит название онтологической гносеологии. Вопросы В. Эрна о Логосе и его сущности в условиях деформации Нового времени и вне его, а также строгая категориальная рефлексия, выполненная С. Франком, также органично вплетается в онтологию идеал-реализма, в ее персоналистическую, богословскую и культурную проблематику. Каждая из этих частей не может быть отделена от общего целого системы, приведшего русскую мысль к выводам, обращение к которым может быть всегда актуальным, играть определяющую роль.

Первое различие мышления и сознания было осмыслено Н. Лосским при изучении произведений В. Шуппе, изданных 1880-х годах⁶. В 1913 году в Санкт-Петербурге увидел свет сборник «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова, посвященный теории познания, куда были включены характерные размышления немецкого мыслителя. Тема была выбрана не случайно. Незадолго до этого Н.О. Лосский вел популярный среди студентов семинар (семинарий) «Обзор современных теорий знания», который, безусловно, был инструментом верификации основных идей его системы мистического эмпиризма. Для русского мыслителя эта идея была настоящей находкой, т.к. в субстанциальном единстве необходимо было найти неизменную структуру и в то же время органично соединенную с динамическими процессами постоянно множасьегося мира и отражавших его концепций. В. Шуппе дал интерпретацию различия существенных характеристик содержаний сознания. Он выделил родовые свойства мышления, а мышление и бытие, согласно его теории, составляют единое, реально неразделимое целое сознания. Часть мышления, которое обладает родовыми чертами, а, следовательно, единством для всех и каждого, развивается в мышление как специфическую деятельность, в рамках которой различаются стороны познаваемого предмета. Это отражает ту сторону бытия сознания, которую не всегда развивается в мышление и особенно в научное или философское. Именно на этом уровне мышление вынуждено дистанцироваться от предмета исследования, вступить в его пристальное рассматривание и изучение, но в сознании предмет находится в оригинале и цельности. Все, кто когда-нибудь читал Н. Лосского, увлекался его идеями, не могут не признать, что В. Шуппе и его школа дали толчок ряду принципиальных решений, вынесенных Н. Лосским в своей философской системе.

В. Шуппе делает шаг, который явно вдохновляет Н. Лосского своей реалистичностью и перспективностью в построении другой философии, отличной от неокантианских углублений в частности разных аспектов учения «кенигсбергского мудреца», но все же не открывающие конфигурации движения вперед. Немецкий профессор онтологизирует логику, говоря о том, что мышление не орган наподобие руки и не имеет свойства сжиматься попусту, без предмета. Мышление – это всегда продумывание чего-то, схватывания предмета, в котором проявляются свойства мышления, а значит оно в достаточной мере материально (в противоположность формальному). Для русского типа мышления, определения которого сейчас мы не готовы дать, реализм и материализм в философии являются важнейшими чертами перспективности философствования. Отечественным философам, для которых Европа не была закрыта, как образовательная среда, глубина немцев как мастеров формального анализа, служила ориентиром. Она, впрочем, содержала амбивалентный потенциал в силу того, что воспроизводила в каждом вновь получившем немецкое философское образование один и тот же двутактовый режим: восторг – разочарование. Так было с П. Чаадаевым, И. Киреевским и др. Однако в этом говорила жизнь, рожденная в столкновении двух культур, одна из которых – российская – явно отдавала предпочтение содержанию, а не форме, что видно, за редким исключением, во

⁶ Schuppe W. "Erkenntnisstheoretische Logik" 1878, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik" 1894, 1911.

всем, другая – германская – форме, что также не ускользает даже от невнимательного взора.

Различие сознания и мышления, принадлежащее В. Шуппе, является новым шагом в развитии идей Канта о сущности мышления. При этом они приводят совсем к другим результатам. Изучение имманентизма образует для Н. Лосского новое исследовательское поле исследований, касающихся перспективных видов структурирования духовно-мыслительного пространства личности. У В. Шуппе различается сознание и мышление. У А. Козлова налицо также дифференция сознания и мышления. Видно, что В. Шуппе берет статический срез данной иерархии уровней духовно-мыслительного пространства, в то время как А. Козлов склонен подчеркивать динамическую сторону процесса, особенно заостряя внимание на тонкостях процесса познания, а не на его формах.

Анализ Н. Лосского приводит его к выводам, согласно которым он видит, заинтересовавшись идеями русского неолейбнищанина А. Козлова, сходный дифференциал у немца В. Шуппе.⁷ На предварительном этапе формирования онтологии идеал-реализма такие шаги, нетождественные ортодоксальному неокантианскому движению, стали для русского мыслителя вдохновляющей силой, которую он сумел закрепить категориально. И. Кант, разработав систему категорий чистого рассудка, не говорит о мышлении как таковом, т.е. исключает из него все иррациональное, или говоря его же языком – апостериорное, обретаемое в опыте и не совсем понятное. В. Шуппе в этом смысле вводит инстанцию мышления, отводя ему статус первичной неразличности субъекта и объекта. Сознание не тождественно мышлению. Сущностная сторона его состоит в том, что оно видит предметы в оригинале, без копирования и переживания. Эти процессы неизбежны для мышления

Итак, идеал-реализм рождался в целом сонме творческих дерзаний по утончению в различиях структурных инстанций сознания и мышления. Один пример такой работы хорошо знаком российской философии, т.к. он играл для нее роль догматического конструкта.

Метод различения, который выводит обыденное мышление на простор философского универсального видения, дает ключ к пониманию нескольких характерных понятийных сочетаний. Вот каким образом сам Н. Лосский иллюстрирует онтические предпосылки своего метода, который уже после рационализации применяется в исследовательской работе. Автор пишет: «Если гуляю в жаркий летний день по берегу реки, окутанному пышной растительностью, и ни о чем не думаю, ничего не желаю, как бы утрачивая свое я, сливаясь в одно с природой, то для меня ничто не существует в отдельности, все сливается в один могучий поток жизни. Но вот что-то всплеснуло над водою, привлекло к себе мое внимание и начался интеллектуальный процесс различения...»⁸

Мышление и сознание, которое было основательно разработано в имманентной философии, и в частности В. Шуппе. Немецкий мыслитель был в полемике с теми, кто считал в начале 20 века мышление только лишь логикой. Его трактовка и теоретический подход расширяют возможности данного понятия. Термин имманентизм выбран не случайно, так как в унисон с феноменологией Шуппе предлагает не тратить время на исследование беспредметного мышления, которое подобно руке, сжимающей вместо камня пустоту, не раскрывает своих существенных характеристик. Сознанию всегда внутреннее присуще бытие, оно предметно и является сознанием о чем-то.

Сознание и познание, которые выделяются методом идеал-реализма позволяют данные понятия наполнить конкретным содержанием, отвечающим разным формам осмысления бытия.

Познание и знание. При работе с утонченной различающей деятельностью возникает необходимость ссылки не теорию познания Канта. Лосский, находясь в непрерывном поиске оснований для своей философской системы, был одним из немногих отечественных исследователей со сходным пониманием миссии в философии, который развивал учение Канта и воздерживался от того, чтобы игнорировать ее как локализованную в не-

⁷ Имманентная философия В. Шуппе // Новое в философии. Сборник №3. Под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова СПб, 1913. – С.3.

⁸ Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. – С. 194.

скольких задачах и снятых в последующих концепциях Гегеля и Шеллинга. Лосский нашел в его теории несколько ограничений, которые только в результате частичной редакции могут открыть возможность для реализации русской оптики в понимании наличного бытия. Он использует метод идеал-реализма, применяя категориальные средства и методы, чтобы осмыслить видимые стороны, открывающееся реальности. Идеал-реализм представляет собой концепцию, которая смогла увидеть в наследии классической философии, в произведениях Лейбница, Кузанца, Канта, Гегеля и др., инструменты актуализации в дискурсе объектов наличного бытия российской реальности. Это важно, например, потому, что в таком подходе исчезает важный недостаток отечественного мышления. Он состоит в том, чтобы мыслить русскую философию в качестве примысливания к основным философским направлениями и тенденциям.

Ту же проблему на полвека позже поставил немного в другом ключе Дж. Сёрль⁹, американский ученый, работа которого посвящена прерыванию (разрывам) рациональности в действительной жизни. Н. Лосский, – мы должны это признать, – интересовался сходством оснований своей философии и ряда ее выводов с американским неореализмом, в частности с деятельностью Монтегю. Синхронизация ряда исследовательских линий может быть продолжена. Исследовательская практика Дж. Сёрля приводит к некоторым выводам, которые согласуются с подробными различениями сознания и мышления, познания и знания и др. Дж. Сёрль дает аналитику и подробное описание знакомых всем ситуаций, когда в осмысленное и уже принятое решение вступает в качестве блокирующей силы внезапно возникший мотив, эмоция, изменение душевного тонуса, настроения, и действие в результате не выполняется, не имея под собой при этом никакого решительного смысла. В результате, мы получаем право в очередной раз говорить о незавершенности стабилизирующих факторов культуры и несовершенстве *ratio* перед лицом бытия. Деятельность Дж. Сёрля составлена многолетним продумыванием итогов постпозитивистской работы в контексте феноменологии. Возможность прерывания действия, рационально обеспеченного обоснованной мотивацией, логикой, внезапно нахлынувшими воспоминаниями и невольное переключение внимания на другие цели, ориентиры, предметно приводят нас к методу интеллектуального различения, который находится в действии и всегда допускает различное развитие сформированных телесных действий. Если учесть инстанции, приведенные выше (мышление и сознание, познание и знание, сознание и познание), которые могут не только согласованно действовать в целостной идеальной личности, стремящейся к поставленной цели, но и быть в разладе, временной несогласованности, то переключка идеал-реализма и теории американской философии сознания представляется очевидной и потенцированной для компаративного и феноменологического анализа. Другое дело, что не будет лишней ссылка на то, что идеал-реализм – это онтологическая концепция, а в философии сознания налицо превалирование операциональных аспектов.

Трансубъективность. Категория трансубъективности уточняет познавательные возможности субъекта, выделяя ряд *принудительных* качеств бытия. В трансубъективности раскрывается большая зависимость от субъекта познания, которая чуть выше отмечена у американского мыслителя, но раскрытие в нем качеств в то же время от него независящих. В трансубъективность включена принудительность объекта, т.е. фактор, согласно которому мы вынуждены подчиниться и признать некоторые предметные константы, свидетелями которых мы являемся, если входим в познавательную ситуацию. Например, я предстою вниманию наблюдателей в процессе выступления и согласно классическому эмпиризму можно предположить, что в сознания наблюдателей ровно столько психических копий, сколько наблюдателей. Идеал-реализм устраняет данную неоднозначную ситуацию тезисом о том, что изучаемый предмет находится в сознании в оригинале. Его адекватное изучение не нуждается в удвоении в психических копиях. Если сменить качество любого изучаемого сущего произвольно, ради интереса или интеллектуального интереса, в языке Н. Лосского: сменить «субстанциального деятеля», сразу получаем ответ на вопрос о сущности онтологического качества объекта – он обладает принудительностью для нас, т.е. он заставляет признать нас в себе наличное качество, явленное

⁹ Сёрль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.336.

в нем. В онтологии Н. Лосского такое различие модальностей в восприятии не заслоняет от нас уникальность сущего и его качественную определенность. Это один из главных выводов философии представителя отечественной мысли, который в эпоху массового симулирования подлинности и превращенного сознания, оставляет возможности для языка, который способен проявить смысл и его значение, выявить существенные различия важные для самоопределения.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: ФОЛИО, 2000.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук. II Часть. Философия природы. М. 1975
3. Имманентная философия В. Шуппе//Новое в философии. Сборник №3. Под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова СПб, 1913.
4. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.
5. Сёрль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
6. Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000
7. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.
8. Соловьев В.С. Сочинения в 2 томах. М.: «Мысль», 1988.
9. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
10. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
11. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. ФОЛИО, 2003.

SOME PREMISIES OF IDEAL-REALISM

A.V. USACHYOV

Yelets Bunin's State University

e-mail: a-usachyov@mail.ru

The article contains meditation of author about the main categories and methods of ideal-realism by Nicolas Lossky.

Key words: ideal-realism, thinking, knowledge, intuitivism, immanent philosophy, philosophy of conciseness.